

Редакции

Определений того, что следует называть редакцией произведения, давалось довольно много. В подавляющем большинстве старые представления о редакции придавали основное значение количественному признаку: наличию большего или меньшего числа отличных от других текстов чтений.

Не будем останавливаться на историографической стороне этого вопроса. Наиболее точное определение того, что следует понимать под редакцией произведения, находим у В. М. Истрина. В специальном разделе «Редакции памятников древнерусской литературы» книги В. М. Истрина «Очерк истории древнерусской литературы» дается такое определение: «“Редакцией” будет называться такая переработка памятника, которая была произведена с определенной целью, будучи вызвана или какими-либо общественными событиями, или чисто литературными интересами и вкусами книжника, или целью обрусить самый памятник (например, со стороны языка) и т. п., одним словом, — такая переработка, которая может быть названа литературной»¹.

Не будем останавливаться на отдельных неточностях этого определения (неясно, например, что следует подразумевать под «чисто литературными интересами и вкусами книжника»): В. М. Истрин посвятил понятию «редакция» целый раздел своего труда, и анализ определения В. М. Истриным понятия «редакции» потребовал бы обстоятельного разбора всего этого раздела. В этом определении для нас существенно следующее: В. М. Истрин подчеркивает целенаправленность работы книжника, создающего новую редакцию. В другом месте своего труда В. М. Истрин возвращается к этой мысли неоднократно: «Эти переделки, если они производились сознательно, с определенной целью, и будут составлять то, что принято называть “редакцией” памятника»². «Задачей исследователя становится не только определение внешней стороны истории памятника, определение всех его переделок, с приурочением каждой переделки к определенному времени, но и указание внутренней связи новой обработки с другими одновременными произведениями и указание особых причин ее проявления. Это и есть то, что называется обыкновенно “редакцией” памятника»³.

Итак, для того чтобы решить, что перед нами в тех или иных списках произведения новая редакция произведения, надо прежде всего вскрыть целенаправленный характер особенностей текста этих списков.

Внешние различия между списками, если они случайны, не могут служить основанием к разделению их на особые редакции. Это правило действительно даже в случае очень крупных количественных различий. Коли-

¹ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11–13 вв.). Пг., 1922. С. 59.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 55.

чественные показатели, как правило, имеют весьма относительное значение. В памятнике может быть утрачена целая половина текста. Оставшаяся половина может самостоятельно переписываться, но до той поры, пока переписчик не захочет придать ей какую-то законченность и соответственно доработает текст, — нельзя говорить о новой редакции текста; перед нами просто дефектный текст. Вместе с тем имеются случаи, когда текст изменен крайне незначительно в количественном отношении, но очень существенно для его смысла: перед нами явно новая редакция произведения. Отсюда ясно, что никакой механический подсчет изменений, разночтений не является в такой мере эффективным, как изучение изменений текста по содержанию.

В качестве примера приведу некоторые изменения в одном из произведений Вассиана Патрикеева, внешне очень незначительные, но которые позволяют, несмотря на всю свою количественную незначительность, говорить о двух редакциях произведения и ставить вопрос о том, в каких условиях и в каких целях каждая редакция возникла.

А. С. Павлов в 1863 г. в журнале «Православный собеседник» издал в числе прочих два произведения Вассиана Патрикеева: 1) «Слово ответно противу клеветующих истину еуангельскую и о иночьском житии и устройении церковнем» и 2) «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от правил святых Никанских от многих глав»¹. Издание было осуществлено А. С. Павловым на основании только трех списков сочинений Вассиана Патрикеева из Соловецкой библиотеки, перевезенной к тому времени из Соловков в Казань. Критический анализ взаимоотношения трех списков А. С. Павловым произведен не был, а между тем, как показала Н. А. Казакова в своей работе, специально посвященной этим произведениям Вассиана², два списка из трех восходят к третьему как к своему протографу. В этом основном списке оба сочинения не разделены. Заголовок «Собрание Васьяна» имеется только в одном списке. На основании этого последнего списка А. С. Павлов и счел, что перед ним не одно сочинение, а два. Смутило А. С. Павлова, очевидно, и отсутствие прямого перехода от первой части ко второй, имеющей в третьем соловецком списке особый заголовок.

Решить окончательно и твердо вопрос о том, представляют ли «Слово ответно» и «Собрание Васьяна» два произведения или одно, помог новый список «Слова ответна» из Синодального собрания ГИМ, найденный Н. А. Казаковой. В Синодальном списке обе части слиты, и текст совершенно логически развивается. По-видимому, в протографе соловецких списков произошла утрата середины того сочинения Вассиана, которое мы сейчас уже смело можем считать одним сочинением и называть «Словом ответным». Эта утрата середины и повела к тому, что логическая связь между обеими частями

¹ Православный собеседник, 1863, № 3.

² Н. А. Казакова. Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева. — ТОДРЛ, т. XIII. М.; Л., 1957.

разорвалась и вторая часть в третьем соловецком списке получила даже отдельное название.

Сопоставим вслед за Н. А. Казаковой текст Синодального списка и третьего Соловецкого в месте разрыва:

Синодальный список

Како убо и выше сиевнии сказание евангельское жителство исправить възмогут? Когда же и възмогутъ очистити свою мысль от помышлений строптивных и ярости, и гнева, и прочего праха съвершаемых в разуме бесчисленных страстей, елико рожати обыкоша в душах богатолюбивых грѣннѣи, сиречь многообразна житейския печали, како убо сие устроены възможем исправить реченое господемъ? Блаженны чистии сердцемъ, яко тии бога узрят! Колика убо трезвенна и подвига треба нам брать очищенны мысли наша! Како же очиститися сна в житейскихъ безпрестани упражняюща и в мирская судилища обращающися, и различне прящися, и ярящися, и клятву преступающи, и лукавнующи, и лжущи, даже токмо получити яже желает? Кто измет вы от божественаго и праваго суда тогда, сие без страха жителствующех и к евангельскому поучению глагольствующих, еже с кротостью многою Марфе поношает о мнозе смущающейся; поносно бо слово есть, еже дважды именовати ю: «Марфа, Марфа, благая, печешися и молвишися о мнозе». Не токмо сими поношает ей, но и ими же сестру ея хвалит, зело мудре обращает ю и о божественном угождении и възпоминает, глаголя: «Мариа же благую часть избра», и прочаа — благо же рек Мариино тщание, укорно показа Марфино попечение.

Третий Соловецкий список

Како убо сиевнии вышесказанное еуангельское жителство жити произволят?

—

Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкаго от правил святых Никанских, от многих глав. Ими же сестру ея хвалит, зело мудре обращает ю и о божественном угождении възпоминает, глаголя: «Мариа же благую часть избра» и прочая — благо же рек Мариино тщание, укорно показа Марфино попечение.